

Е.В. Амелина

Внутренний монолог в романе Л.Н. Толстого «Война и мир»

В. Стасов писал:

«...В “разговорах” действующих лиц нет ничего труднее “монологов”. Здесь авторы фальшат и выдумывают более, чем во всех других своих писаниях... Почти ни у кого и нигде нет тут настоящей правды, случайности, неправильности, отрывочности, недоконченности и всяких скачков. Почти все авторы (в том числе и Тургенев, и Достоевский, и Гоголь, и Пушкин, и Грибоедов) пишут монологи совершенно правильные, последовательные, вытянутые в ниточку и в струнку, выложенные и архилогические... А разве мы так думаем сами с собою? Совсем не так. Я нашел до сих пор одно единственное исключение: это граф Толстой. Он один дает в романах и драмах — настоящие монологи, именно со своей неправильностью, случайностью, недоговоренностью и прыжками».

Примеры подобных монологов Толстого мы находим в романе «Война и мир». Вспомним, например, сцену атаки эскадрона Денисова, когда раненый Николай Ростов встречается с французами. Упав с лошади, Ростов сначала не понял, что произошло, лишь почувствовал, что «что-то лишнее висит на его левой онемевшей руке». Увидев приближающихся французов, он совершенно растерялся, мысли его спутались, «одно только нераздельное чувство страха за свою молодую, счастливую жизнь владело всем его существом».

«Кто они? Зачем они бегут? Неужели ко мне? Неужели ко мне они бегут? И зачем? Убить меня? Меня, кого так любят все?»

В другом месте Ростов проигрывает Долохову большую сумму денег. Долохов, видевший в Ростове своего счастливого соперника, хочет во что бы то ни стало отомстить Николаю, а заодно и приобрести возможность шантажировать его. Не отличаясь особой порядочностью, Долохов втягивает Николая в карточную игру, во время которой последний проигрывает огромную сумму денег. Помня о бедственном положении своей семьи, Ростов, похоже, сам не понимает, как все это могло случиться и до конца не верит в происходящее. Он зол на себя, расстроен, не может понять Долохова. Вся эта сумятица чувств и мыслей героя мастерски передана Толстым во внутреннем монологе.

«Шестьсот рублей, туз, угол, девятка... отыгаться невозможно!.. И как бы весело было дома... Валет, но нет... это не может быть!.. И зачем же это он делает со мной?..» — думал и вспоминал Ростов». «Ведь он знает, — говорил он сам себе, — что значит для меня этот проигрыш. Не может же он желать моей гибели? Ведь он друг был мне. Ведь я его любил... Но и он не виноват, что ж ему делать, когда ему везет счастье?..»

Внутренняя речь у Толстого часто кажется отрывистой, фразы — синтаксически незавершенными. Вспомним сцену, когда княжна Марья догадывается об истинных причинах холодности к ней Николая Ростова:

«Так вот отчего! Вот отчего! — говорил внутренний голос в душе княжны Марьи. — ...Да, он теперь беден, а я богата... Да, только от этого... Да, если б этого не было...»

Как отмечал Чернышевский, «внимание графа Толстого более всего обращено на то, как одни чувства и мысли развиваются из других; ему интересно наблюдать, как чувство, непосредственно возникшее из данного положения или впечатления, ...переходит в другие чувства, опять возвращается к прежней исходной точке и опять и опять странствует».

Смену этих душевных движений, чередование их мы наблюдаем во внутреннем монологе Андрея Болконского перед Бородинским сражением. Князю Андрею кажется, что «завтрашнее сражение самое страшное изо всех, в которых он участвовал, и возмож-

ность смерти в первый раз в его жизни, без всякого отношения к житейскому, без соображений о том, как она подействует на других, а только по отношению к нему самому, к его душе, с живостью, почти с достоверностью, просто и ужасно» представляется ему. Вся жизнь его кажется ему неудавшейся, интересы мелочными и низменными.

«Да, да, вот они, те волновавшие и восхищавшие и мучившие меня ложные образы, – говорил он себе, перебирая в своем воображении главные картины своего волшебного фонаря жизни... – Слава, общественное благо, любовь к женщине, самое отечество — как велики казались мне эти картины, какого глубокого смысла казались они исполненными! И все это так просто, бледно и грубо при холодном свете того утра, которое, я чувствую, поднимается для меня».

Как верно заметил С. Бычков, здесь князь Андрей пытается убедить себя в том, что та «жизнь, которую он прожил и прожили его близкие, не была так хороша и заманчива, чтобы ее жалеть». Мрачное настроение Болконского усиливается по мере того, как он все больше и больше вспоминает прошлое. Он вспоминает о Наташе, и ему становится тоскливо.

«Я понимал ее – думал князь Андрей. – Не только понимал, но эту-то душевную силу, эту искренность, эту открытость душевную, эту душу я и любил в ней... так сильно, так счастливо любил...»

Затем Болконский думает об Анатоле, своем сопернике, и тоска его переходит в отчаяние, чувство происшедшего с ним несчастья с новой силой овладевает его душой.

«Ему ничего этого не было нужно. Он ничего этого не видел и не понимал. Он видел в ней хорошенькую и свеженькую девочку, с которой он не удостоил связать свою судьбу. А я? И до сих пор он жив и весел?»

Смерть представляется герою избавлением от всех несчастий его жизни. Но оказавшись рядом со смертью, на Бородинском поле, когда «граната, как волчок, дымясь, вертелась между ним и лежащим адъютантом», Болконский вдруг почувствовал страстный порыв любви к жизни.

«Неужели это смерть? – думал князь Андрей, совершенно новым, завистливым взглядом глядя на траву, на полынь и на струйку дыма, выходящую от вертящегося черного мячика. – Я не могу, я не хочу умирать, я люблю жизнь, эту траву, землю, воздух...».

Эти природные образы земли (траву, полынь, струйка дыма), символизирующие жизнь, во многом противоположны образу неба, символизирующему в романе вечность. Однако князь Андрей в романе связан именно с образом неба, поэтому в этом порыве к жизни есть определенная несогласованность, мы можем предположить будущую смерть героя.

Но уже следующий внутренний монолог Болконского восстанавливает «гармоничность образа». Совсем иные чувства овладевают героем, когда он, придя в сознание после операции, замечает рядом с собой раненого Анатоля Курагина. Чувство милосердия и всепрощения охватывает вдруг князя Андрея, наполняя его сердце восторженной жалостью и любовью.

«Сострадание, любовь к братьям, к любящим, любовь к ненавидящим нас, любовь к врагам — да, та любовь, которую проповедовал бог на земле, которой меня учила княжна Марья и которой я не понимал; вот отчего мне жалко было жизни, вот оно то, что еще оставалось мне, ежели бы я был жив. Но теперь уже поздно. Я знаю это!»

Характерно, что все эти чувства никак не проявляются в князе Андрее внешне. Лишь приоткрывая мир мыслей и состояний героя. Толстой показывает происходящие с ним изменения.

Внутренний монолог у писателя часто выступает как одно из средств характеристики персонажа. Эгоизм, раздражительность, деспотизм старого князя Болконского и вместе

с тем его ум, пронизательность, умение разбираться в людях Толстой раскрывает не только в его поступках, но и во внутренних монологах героя. Так, Николай Андреевич быстро распознает истинную натуру Анатоля Курагина, приехавшего вместе с отцом свататься к княжне Марье.

Старый князь Болконский по-своему привязан к дочери и при этом по-старчески эгоистичен. Ему жаль расставаться с княжной Марьей, и кроме того, он четко понимает, что молодой Курагин глуп, безнравствен и циничен. Николай Андреевич замечает интерес Анатоля к француженке, замечает смятение и волнение дочери, у которой появилась надежда создать собственную семью. Все это до крайности раздражает Болконского.

«Что мне князь Василий и его сынок? Князь Василий болтунишка, пустой, ну и сын хорош должен быть...» – ворчал он про себя».

Жизнь без княжны Марьи кажется старому князю невыносимой.

«И к чему ей выходить замуж? – думал он. – Наверно, быть несчастною. Вон Лиза за Андреем (лучше мужа теперь, кажется, трудно найти), а разве она довольна своей судьбой? И кто ее возьмет из любви? Дурна, неловка. Возьмут за связи, за богатство. И разве не живут в девках? Еще счастливее!»

Внимание Анатоля к *m-lle Bourienne*, оскорбляющее чувства Николая Андреевича, простодушие его дочери, не замечающей этого внимания, суматоха, устроенная в доме из-за приезда Курагиных Лизой и француженкой, — все это доводит его буквально до бешенства.

«Первый встречный показался — и отец и все забыто, и бежит, кверху чешется, и хвостом винтит, и сама на себя не похожа! Рада бросить отца! И знала, что я замечу... Фр...фр...фр... И разве я не вижу, что этот дурень смотрит только на Бурьенку (надо ее прогнать)! И как гордости настолько нет, чтобы понять это! Хотя не для себя, коли нет гордости, так для меня, по крайней мере. Надо ей показать, что этот болван о ней и не думает, а только смотрит на Bourienne. Нет у ней гордости, но я покажу ей это...»

В этой же сцене сватовства Курагиных открывается вся низменность мыслей Анатоля, цинизм и безнравственность его развращенной натуры.

«А отчего же не жениться, коли она очень богата? Это никогда не мешает», – думал Анатоля. Увидев *m-lle Bourienne*, он решил, что и «здесь, в Лысых горах, будет нескучно». «Очень недурна! – думал он, оглядывая ее. – Очень недурна эта компаньонка. Надеюсь, что она возьмет ее с собой, когда выйдет за меня, – подумал он, – очень, очень недурна».

Таким образом, внутренняя речь у писателя «неправильная», подвижная, динамичная.

«Воссоздавая движение мыслей, чувств своих героев, Толстой открывает то, что совершается в глубинах их души и о чем сами герои либо не подозревают, либо лишь смутно догадываются. Происходящее в глубинах души, с точки зрения Толстого, часто более истинно, чем осознанные чувства...», – пишет М. Храпченко.

Используя прием внутреннего монолога, писатель воспроизводит особенности характеров персонажей, их внутренний мир. Проникая в самый процесс мышления и чувствования, Толстой описывает тончайшие душевные движения героев, происходящие с ними изменения, рождение новых мыслей и настроений.